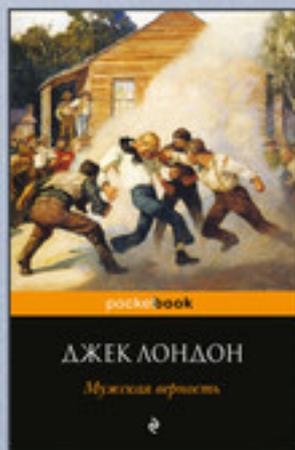

Джек Лондон

Тысяча дюжин

*Часть сборника
Мужская верность (сборник)*

Джек Лондон
Тысяча дюжин

«ЭКСМО»

1903

Лондон Д.

Тысяча дюжин / Д. Лондон — «Эксмо», 1903

«...Дэвид Расмунсен отличался настойчивостью и, подобно многим великим людям, был человеком одной идеи. Поэтому когда по всему свету раззвонили о находке золота на Севере, он решил заработать там кое-что на продаже яиц и всю свою энергию употребил на выполнение этого предприятия. Он все высчитал до последней мелочи, и предприятие сулило ему большие доходы. В Доусоне яйца продавались по пяти долларов за дюжину, и это было достаточной предпосылкой для того, чтобы начать дело. Отсюда неопровержимо вытекало, что только за одну тысячу дюжин яиц в этом царстве золота можно было получить пять тысяч долларов...»

© Лондон Д., 1903

© Эксмо, 1903

Джек Лондон Тысяча дюжин

Перевод М. Чехова

Дэвид Расмунсен отличался настойчивостью и, подобно многим великим людям, был человеком одной идеи. Поэтому когда по всему свету раззвонили о находке золота на Севере, он решил заработать там кое-что на продаже яиц и всю свою энергию употребил на выполнение этого предприятия. Он все высчитал до последней мелочи, и предприятие сулило ему большие доходы. В Доусоне яйца продавались по пяти долларов за дюжину, и это было достаточной предпосылкой для того, чтобы начать дело. Отсюда неопровержимо вытекало, что только за одну тысячу дюжин яиц в этом царстве золота можно было получить пять тысяч долларов.

С другой стороны, надо было принять в расчет и издержки, и он добросовестно вычислил их, так как был человеком осторожным, практически-прозорливым, со здравым умом и трезвым духом, никогда не согревавшимся фантазией. Считая по пятнадцати центов за дюжину на месте, сумма на покупку всех яиц будет составлять сто пятьдесят долларов – просто пустяк в сравнении с тем колоссальным барышом, который можно получить при продаже. И если предположить даже с самым невероятным преувеличением, что перевозка этих яиц и самого себя потребует восьмисот пятидесяти долларов, то все-таки останется чистого дохода четыре тысячи. Когда будет продано последнее яйцо, мешок Дэвида Расмунсена наполнится золотым песком.

– Вот видишь, Альма, – высчитывал он перед своей женой, а в это время вся столовая была завалена чуть не до потолка картами, официальными путеводителями и спутниками по Аляске, – видишь, настоящие расходы начнутся только с Дайэ. В первом классе проезд туда стоит пятьдесят долларов. Теперь: от Дайэ до озера Линдерман носильщики-индейцы возьмут за кладь по двенадцати центов за фунт, это составит двенадцать долларов за сотню или сто двадцать за тысячу. Предположим, я повезу полторы тысячи фунтов; за них возьмут с меня сто восемьдесят долларов – ну, пусть будет двести! Я уже говорил с одним приезжим из Клондайка, и он сообщил мне, что там можно купить лодку для перевозки яиц за триста долларов. Он же говорил мне, что я смогу захватить двух пассажиров и взять с каждого за переезд по полтора доллара, что вполне окупит расход на покупку лодки. К тому же эти пассажиры помогут мне в пути править лодкой. Затем... впрочем, все. Выгружать на берег буду в Доусоне. А ну-ка, сколько теперь всего вышло?

– Пятьдесят долларов от Сан-Франциско до Дайэ, двести от Дайэ до озера Линдерман, пассажиры оплатят лодку, итого двести пятьдесят долларов, – ответила жена.

– Добавь сюда еще сотню на костюм и дорожные расходы, – весело продолжал он. – Остается пятьсот на непредвиденные расходы. А какие же могут быть непредвиденные расходы?

Альма пожала плечами и подняла брови. Если эта громадная Северная страна способна поглотить ее мужа с тысячью дюжин яиц, то, конечно, соответственно должны быть и непредвиденные расходы. Она подумала об этом, но не сказала ничего. Она слишком хорошо знала Дэвида Расмунсена, чтобы осмелиться возражать.

– Принимая в соображение всякие задержки в пути, удвоим время! Итого, значит, понадобится два месяца. Ты только подумай об этом, Альма! Четыре тысячи в два месяца! А тут работаешь, не разгибая спины, за какие-нибудь сто долларов в месяц! Да-с, тогда мы развернемся, в каждой комнате у нас будет гореть газ, мы оденемся, доходы с нашего дома будут окупать все налоги, страховку и воду, кое-что останется еще и на удовольствия. И кто знает,

быть может, это для меня случай выдвинуться и стать миллионером! Ну, скажи, Альма, тебе не кажется, что я человек все-таки очень умеренный в своих желаниях?

И Альма не смела думать иначе. Ведь ее родственник, хотя, правда, отдаленный, которого все считали легкомысленным и ни к чему не способным и держали в черном теле, вдруг возвратился из этой волшебной Северной страны, привезя с собой золотого песка на сто тысяч долларов, не говоря уже о том, что оказался собственником половины тех приисков, на которых этот песок был добыт.

Поставщик Дэвида Расмунсена был немало удивлен, когда застал его у себя в лавке взвешивавшим яйца на весах, стоявших на прилавке, да и сам Расмунсен удивился не менее его, когда узнал, что дюжина яиц весит полтора фунта, – следовательно, во всей тысяче дюжин яиц будет тринадцать центнеров весу! Ого-го! Куда же теперь девать одежду, постельные принадлежности, посуду, не говоря уже о съестных припасах, которыми, весьма возможно, придется запастись по пути? Все его расчеты, таким образом, оказывались неверными, и он собрался было приняться за новые вычисления, как вдруг его осенила блестящая идея: взвесить яйца помельче.

«Будут они велики или малы, – подумал он, – от этого дюжина яиц не станет полдюжиной.

И вот оказалось, что в дюжине маленьких яиц было весу фунт с четвертью. После этого по всему Сан-Франциско забегали надоедливые комиссионеры, и все торговые фирмы и кооперативы были поставлены в тупик от такого внезапного спроса на яйца, и притом на такие, дюжина которых весила бы не более одного фунта с четвертью.

Расмунсен заложил свой дом за тысячу долларов, отправил супругу к ее родственникам, бросил службу и поехал на Север. Чтобы не выйти из своего бюджета, он пошел на компромисс и взял билет второго класса, ехать в котором, вследствие наплыва пассажиров, было хуже, чем в третьем. К концу лета, бледный и разбитый, он выгрузился вместе со своими яйцами на берегу моря в Дайэ. Но ему не удалось отдохнуть здесь, чтобы восстановить свои силы. Первое же свидание с Чилкутской конторой по перевозке грузов ужаснуло его, и холодок пробежал у него по спине. С него потребовали по сорока центов за каждые двадцать восемь миль, и пока он торговался и не соглашался, цена поднялась до сорока трех. Пятнадцать худощавых индейцев принялись было грузить его ящики на подводы, но опять сбросили их на землю ввиду того, что какой-то богач из Скагуэя, в грязной рубашке и рваных штанах, потерявший лошадей на Белом перевале и теперь делавший последние отчаянные попытки попасть к себе через Чилкут, предложил им по сорока семи.

Расмунсен был тверд, как кремень, и нашел носильщиков по пятидесяти центов, которые через два дня доставили в целости его яйца к озеру Линдерман. Но ведь пятьдесят центов за фунт – это составляет уже по тысяче долларов за тонну, и таким образом его полторы тысячи долларов, предназначенные на расходы, пришли уже к концу, и он бродил по берегу, испытывая муки Танталя при виде того, как ежедневно снаряженные лодки отправлялись одна за другой в Доусон. А затем беспокойство вдруг овладело всем тем местом, где строились лодки. Люди неистово заработали с раннего утра и до позднего вечера, напрягая все свои силы, и с безумной поспешностью стали конопатить, вколачивать гвозди и просмаливать лодки. Объяснение этому нетрудно было найти. С каждым днем снеговая линия все ниже и ниже спускалась с голых, безжизненных склонов горных масс, заморозки следовали за заморозками, неся с собой снег и крупу, а в заводях и тихих местах уже стал появляться ледок, который с каждым часом становился все крепче. Каждое утро изможденные трудом люди обращали свои бледные лица в сторону озера, чтобы посмотреть, не идет ли лед, потому что появление льда предвещало гибель их надеждам – надеждам на то, что они успеют проскользнуть по быстрой реке, соединяющей озера, раньше, чем начнется ледостав.

Разочаровало Расмунсена также и то, что он наткнулся на трех конкурентов в яичном деле. Правда, один из них, маленький немец, уже разорился и с потерянными вез обратно свой непроданный товар. У двух же других лодки были почти готовы, и они ежедневно взывали к богу торговцев и купцов, чтобы он удержал еще хоть на один денек железную длань погоды. Но железная длань опускалась ниже и ниже. Люди стали замерзать в снежных буранах, уже раздражавшихся над Чилкутом, и Расмунсен не замедлил отморозить себе пальцы на ногах. Ему, впрочем, посчастливилось получить место для себя и для своего груза в только что спущенной на воду лодке, но с него потребовали за это двести долларов, а у него этих денег не было.

– Я думаю, что вам лучше было бы подождать, – сказал швед-судостроитель, который давно уже освоился с клондайкскими порядками и мог считаться здесь человеком вполне осведомленным. – Подождите немного, и я построю для вас великолепный бот.

С таким ничем не гарантированным обещанием Расмунсен вернулся пешком к озеру Кратер и там случайно наткнулся на двух газетных корреспондентов, которые ехали из Стон-Хауза и уже умудрились растерять весь свой несложный багаж.

– Да-с, – заговорил он с ними не без важности. – Я привез на Линдерман тысячу дюжин яиц. Мой бот скоро будет готов. Вы только подумайте, как мне повезло! А ведь лодки сейчас нарасхват! Теперь за них потребуют уйму денег...

Услышав эти слова, корреспонденты ухватились за него, замахали перед его глазами бумажными долларами, зазвенели золотом, прося его захватить их с собою. Но он и слышать об этом не хотел. Они стали его умолять, и, наконец, он всемилостивейше согласился взять их с собой за плату по триста долларов с каждого. Тогда они вручили ему вперед задаток. И пока они писали в свои почтенные органы корреспонденции о добром самаритянине с его грузом в двенадцать тысяч яиц, этот добрый самаритянин уже спешил обратно к шведу на озеро Линдерман.

– Эй, вы! – крикнул он ему, побрякивая золотом, полученным от корреспондентов, и жадными глазами поглядывая на уже готовую лодку. – Я беру ее!

Швед только тупо посмотрел на него и отрицательно покачал головой.

– Сколько вам предложил мой предшественник? Триста! Хорошо, вот вам четыреста. Он стал совать шведу в руки деньги, но тот повернулся к нему спиной.

– Это не пройдет... – ответил он. – Я уже сговорился... Вы должны подождать.

– Хотите шестьсот? Это мое последнее слово. Хотите – берите, хотите – нет. Скажите ему, что передумали.

Швед погрузился в размышления.

– Ладно... – сказал он наконец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.